

Редакция журнала «Гражданин. Выборы. Власть» извещает читателей о преждевременном уходе из жизни постоянного автора нашего издания Е.А. Осавелюк и выражает искренние соболезнования члену Редакционной коллегии, доктору юридических наук, профессору А.М. Осавелюку в связи со скоропостижной кончиной любимой дочери. Предлагаем вниманию читателей последнюю работу Елены Алексеевны.

Е.А. ОСАВЕЛЮК

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, ПОНЯТИЕ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В представленной статье проанализированы тенденции развития национальной безопасности и ее составных частей, которые, базируясь на конституционно-правовом оформлении, находятся в постоянном развитии. В ходе исследования автором выделяются следующие тенденции: рассмотрения национальной и международной безопасности как двух взаимосвязанных и взаимодействующих систем, развития национальной безопасности на базе большего учета законных интересов и прав граждан Российской Федерации, большей дифференциации и конкретизации понятий «национальная» и «общественная» безопасность, глобализации подхода в рамках государства. На основе анализа научных публикаций, положений Конституции, отечественного законодательства и постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, посвященных данному вопросу, автор пришел к выводу, что в законодательстве и в конституционно-правовой науке отсутствует единство терминологии в указанной сфере. Это создает правовую неопределенность и противоречия в правовом регулировании отношений в сфере безопасности и правоприменительной практике. Показаны причины, способствующие появлению указанной проблемы. Особое внимание уделено анализу поправки, включенной в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, которая заложила правовую основу для разрешения указанной проблемы. На основе проведенного анализа автор сформулировал свое определение понятий «безопасность» и «национальная безопасность», показал связь между ними.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, общественная безопасность, государственная безопасность, безопасность государства и общества, Конституция Российской Федерации, экономическая безопасность.

NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS, CONCEPT, DEFINITIONS AND TRENDS

Abstract. *The article analyzes the trends in the development of national security and its components, which, based on constitutional and legal design, are in constant development. During the research, the author identifies the following trends: consideration of national and international security as two interrelated and interacting systems, development of national security based on greater consideration of the legitimate interests and rights of citizens of the Russian Federation, greater differentiation, and concretization of the concepts of «national» and «public» security, globalization of the approach within the state. Based on the analysis of scientific publications, provisions of the Constitution of the Russian Federation, domestic legislation and resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation devoted to this issue, the author concluded that there is no unity of terminology in the legislation and in constitutional and legal science in this area. This creates legal uncertainty and contradictions in the legal regulation of relations in the field of security and law enforcement practice. The reasons contributing to the appearance of this problem are shown. Particular attention is paid to the analysis of the amendments included in the Constitution of the Russian Federation in 2020, which laid the legal basis for resolving this problem. Based on the analysis, the author formulated his definition of the concepts of «security» and «national security», showed the connection between them.*

Keywords: *security, national security, public security, state security, security of the state and society. Constitution of the Russian Federation, economic security.*

В отечественной науке конституционного права вопросам национальной безопасности уделяется пристальное внимание [см., например, 1, 2, 3, 4, 5]. Вместе с тем тенденции национальной безопасности исследованы недостаточно. Указанного рода тенденции начали свое существование с появления самого термина «национальная безопасность» и эволюции его содержания. Официальное появление данного понятия в российской науке в 1996 году [6] привело к коренному изменению подходов по регулированию и реализации отношений в сфере безопасности.

Надо сказать, что Советский Союз опирался на концепцию государственной безопасности, выражавшуюся в однозначной формуле: что хорошо для государства, то хорошо для всех. Концепция национальной безопасности Российской Федерации с самого начала была направлена на соединение безопасности государства с безопасностью общества и человека воедино [подробнее см.: 7]. Такое понимание позволило сформировать единое системное представление о конституционно-правовых основах национальной безопасности, базирующихся на положениях главы 1 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция), особенно на положениях статей 2, 3, 5, 6–10 и 13¹.

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

В настоящее время некоторые авторы настаивают на сохранении понятия «государственная безопасность», которая, по их мнению, «предполагает защищенность конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности» [8, см. также 9]. В то же время реальное в целом содержание конституционного строя гораздо богаче и разнообразнее подобных предположений. Только принципы государственного строя России, которым посвящена глава 1 Конституции, закрепляют основы правового статуса человека и гражданина (ст. 2, 6), гражданского общества (ст. 3, 12, 13), экономической системы (ст. 8, 9) и правового демократического государства (ст. 1, 4, 5, 7, 10, 14). Они не только конкретизированы в последующих главах Конституции, но и получили дальнейшее развитие в отраслевом законодательстве².

Указанные социальные институты «цементирует», наполняя их творческим потенциалом и являясь основным связующим звеном, человек со своими правами и свободами, провозглашенными высшей ценностью (ст. 2 Конституции); он так или иначе во всех институтах общества и государства присутствует как участник соответствующих социальных (в том числе и правовых) отношений, — как член семьи, различных общественных объединений, трудового коллектива, сотрудником органа государственной власти, муниципального образования и т.п. И естественно, что обеспечивая безопасность человека, невозможно игнорировать безопасность общества и государства. А все вместе взятое именуется национальной безопасностью.

Сказанное в полной мере подтверждается содержанием Стратегии национальной безопасности России до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537). В ней устанавливалось, что национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз³. Дальнейшее развитие понятия «безопасность» и обозначенной выше тенденции происходило в рамках Стратегии национальной безопасности от 31 декабря 2015 года⁴, в которой дано более развернутое определение данного понятия и его содержания. Было провозглашено, что национальная безопасность — это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»⁵.

В действующей Стратегии (от 2 июля 2021 года) национальная безопасность — это «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

³ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁴ Российская газета — Федеральный выпуск. 2015 г. 31 дек.

⁵ Там же.

реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»⁶.

В данном определении есть одна важная особенность — в отличие от документов 2009 и 2015 годов, в Стратегии 2021 года на первое место в национальной безопасности выходит не личность, а национальные интересы в целом, что демонстрирует *тенденцию глобализации подхода в рамках демократического государства*. В остальном прослеживается преемственность подходов, поскольку современный облик России «представлен действующей Конституцией Российской Федерации, верховенство которой есть главный фактор единства Российского государства» [10, с. 9].

Общим для всех редакций Стратегии национальной безопасности является то, что национальная безопасность основывается на базовых постулатах Конституции России, установивших фундаментальные основы статуса человека, общества и государства (ст. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15 и др.)⁷. Из этого следует, что, во-первых, в тексте Конституции были зафиксированы необходимые нормативные правовые положения, которые легли в основу указанных стратегических документов и составили конституционную основу для их совершенствования. Во-вторых, сами конституционные положения возникли не на пустом месте, а появились вследствие того, что в обществе и государстве сложились реальные отношения, которые послужили солидной основой для содержания самого Основного Закона. В-третьих, нельзя не согласиться со справедливым замечанием В.В. Володина о том, что долгое время некоторые из них, особенно принцип социального государства, были далеки от действительности декларациями о намерениях [11]. И только с вступлением в силу в 2020 году поправки в Конституцию России реальностью, а не намерением стало то, что «государство как политическая форма существования многонационального народа России предшествует всем последующим положениям Конституции, образует его основополагающий принцип, описание которого с точки зрения его организации, формы, принципов деятельности, ограничений и т.п. осуществляется в этих последующих положениях» [10, с. 9].

Исходя из развернутой характеристики тенденции национальной безопасности [см., например: 12, с. 12–14; 13, с. 39–46; 14, с. 124; 15, с. 270–297] вполне можно согласиться с близким к нашему пониманию утверждением о том, что понятие национальной безопасности объединяет в себе «все известные виды безопасности, носит многоплановый характер и охватывает важнейшие сферы общественной жизни, такие как экономическая, социальная, военная, информационная, технологическая и др.» [16, с. 14].

⁶ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>.

⁷ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

Традиционно рассматривая национальную безопасность как двуединую, мы согласны с отечественными и зарубежными авторами, рассматривающими взаимодействие двух ее ведущих компонентов: внутренней [16, с. 10–18] и внешней безопасности государства [17, с. 72–83; 18]. При этом мы исходим из приоритета внутренней безопасности и ее влияния на производную от нее составляющую — внешнюю безопасность.

Смеем предположить, что именно такой подход был заложен законодателем в статье 1 Федерального Закона «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, определяющей обеспечение «безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации» как «безопасность, национальную безопасность». Вместе с тем упоминание безопасности и национальной безопасности через запятую не позволяет их разграничить. Единственный вывод, который напрашивается в этой ситуации, — это вывод о равнозначности терминов «безопасность» и «национальная безопасность» в контексте названного закона.

Анализ статьи 71 Конституции о нахождении вопросов безопасности в ведении Российской Федерации и статьи 72 о совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации вопросов общественной и экологической безопасности позволяет сделать вывод, что общественная безопасность — отдельная часть национальной безопасности. При этом, если в прежних редакциях Стратегии национальной безопасности «состояние защищенности общества» могло в какой-то мере рассматриваться в качестве общественной безопасности, то в действующей редакции эта формулировка исчезла, уступив место «гражданскому миру и согласию в стране».

Как нам видится, данная формулировка более узкая, но и более конкретная, что позволяет говорить *о тенденции большей дифференциации и конкретизации понятий «национальная» и «общественная» безопасность*. В развитие указанной тенденции обратим внимание на следующее: ввиду того, что в Конституции неоднократно используется термин «общественная безопасность», — притом не только в упомянутой статье 72 о разграничении предметов ведения, но и в дополненной в 2020 году пунктом «д¹» статье 83 о полномочиях Президента Российской Федерации, — представляется целесообразным дать развернутое легальное определение общественной безопасности.

Говоря о предпосылках появления новых тенденций, отметим такое магистральное направление развития внутренней безопасности Российской Федерации, которое привело к внесению изменений в Конституцию в 2020 году: «поворот» к истокам отечественной государственности, приверженности многовековым традициям наших предков и религии и на этой основе — консолидации всего общества и его стабильного благополучия.

Это позволяет не только творчески применять и развивать опыт наших предков, но и обогащать современное правовое регулирование и правоохрани-

менительную практику в данной сфере нормами нравственности, которые в отличие от права, регулирующего социальные отношения формально установленными юридическими правами и обязанностями, могут воздействовать на поведение субъектов критериями добра, справедливости и уважения; другими словами — способны очеловечивать формализм права, придавая ему внутренне добровольный характер.

Свидетельством этому является включение в статью 75 Конституции двух новых частей, посвященных уважению к труду и гарантированию минимального размера оплаты труда, формированию пенсионной системы, установлению обязательного социального страхования и адресной социальной поддержки граждан, а также конституированию парламентского контроля, предусмотренного статьей 103¹. Тем самым формальные полномочия и «ритуальная роль, на которую обрекали парламент авторы проекта Конституции Российской Федерации в 1993 году, в полной мере утрачивает свою актуальность» [10, с. 16].

Нравственные начала и значение фундаментального принципа имеет дополнение Конституции статьей 75¹, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для «устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая, социальная солидарность»⁸.

Опора на нравственность не только расширяет регулятивные возможности права, но и «сглаживает» его формализм. Поскольку нравственность — это внутренняя потребность человека творить добро, быть гуманным, щедрым и так далее. Следовательно, взаимодействие нравственности и права создает основу для добровольного союза индивидов и общества в целом. В рамках данного выбора поправка к Основному закону определяет конституционную программу деятельности законодательной и исполнительной власти по наполнению принципа социальной солидарности и защите экономических, социальных и культурных прав граждан. Таким образом, происходит конституционализация всех сфер: экономической, политической, гуманитарной и социальной деятельности общества и государства. Кроме того, с одной стороны, происходит конкретизация социальных обязательств государства перед обществом в целом и каждым гражданином, в том числе в сфере труда и его оплаты, пенсионного обеспечения, здравоохранения, культуры и науки; с другой, — меняется и активизируется отношение конкретного человека, институтов гражданского общества к участию в этих процессах. Неслучайно, что поправка к Конституции в части, относящейся к «принципу социального государства, касается всех граждан. Особый акцент сделан на социальную

⁸ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

защиту граждан старшего возраста, семьи, малообеспеченных и нуждающихся в поддержке, инвалидов и детей» [10, с. 21].

Указанные изменения естественным образом привели к существенному расширению полномочий органов законодательной власти и их сотрудничеству в сфере установления основ федеральной политики и федеральных программ, установления единых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования; расстановки новых акцентов в конституционном наполнении содержания принципа социального государства и др. (п. «е» ст. 71, п. «е», «ж», «ж¹» ст. 72 Конституции). Это говорит о том, что они не только актуальны, но и своевременны. В современную эпоху конституции играют все более значимую роль актов прямого действия в защите от глобализации угроз правам и свободам, жизни и достоинству, миру, безопасности, устойчивому развитию и другим непреложным ценностям для человека и будущих поколений. Реализация этих задач обуславливает расширение предмета конституционного регулирования, установление дополнительных запретов и ограничений в деятельности, возникновение новых конституционных комплексов [19, с. 19].

* * *

Расширение конституционного регулирования не только политических, но и экономических, социальных, экологических и духовных отношений происходит в других развитых государствах. В частности, усилиями экономистов и юристов Германии, Франции, Испании, Италии, США, Португалии была создана теоретическая конструкция, встроенная в систему конституционного права, которая пытается объяснить, как конституция должна регулировать экономические отношения [20, с. 3].

Таким образом, если бы конституционные изменения не были произведены, то со временем могла бы обозначиться тенденция относительного отставания нашей страны от других развитых государств в указанной сфере. Понятно, что подобные изменения способны привести к значительно более масштабной тенденции внутригосударственного регулирования. И.А. Умнова (Конюхова) отмечает, что в современную эпоху конституции все более отчетливо играют роль актов стабилизации и примирения противоборствующих сторон. В контексте урегулирования конфликтов, в которых в современном мире тесно переплетаются национальные, религиозные, политические, социокультурные, экономические интересы и взгляды, именно с помощью принятия или обновления конституции ставятся задачи укрепления национального единства; обеспечения мирного сосуществования в рамках одного государства различных народов, этносов и религиозных групп; решения проблем национального и социального неравенства и несправедливости; учета законных интересов и прав различных социальных групп и слоев [19, с. 21].

Все же следует подчеркнуть и ту несомненную реальность, что Российское государство, как многовековая политическая форма своего существования,

демонстрирует самую устойчивую тенденцию: единство многонационального народа. Несмотря на терминологические особенности своего выражения, она предшествует всем последующим положениям конституций, образует их основополагающий принцип народовластия. Другими словами, в настоящее время «Конституция и юридически оформленное ею Российское государство составляют определенное единство. Основным законом обращен не к оторванной от реальности абстрактной модели государства вообще, он легитимирует конкретное государство — Российскую Федерацию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, как это установлено частью 1 статьи 1 Конституции. При этом перечисленные в этом определении признаки дополняются далее указанием на то, что Российская Федерация также является социальным и светским государством (ст. 7, 14). Без учета этих конституционных характеристик целостная картина государственности России невозможна» [10, с. 9].

Еще одной *тенденцией развития национальной безопасности является учет законных интересов и прав граждан Российской Федерации*. Для более полного определения сути проблемы национальной безопасности России в новых условиях международного правопорядка, справедливо рассматривать ее как взаимодействие двух взаимосвязанных и взаимодействующих систем: «национальной (внутригосударственной) и международной (коллективной). Тем более что правовая база — основные принципы международного права (суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела других государств, нерушимость государственных границ, территориальная целостность государств и др.) способствуют сохранению национальной государственности и гарантируют ее уникальность» [21, с. 95–96].

К сказанному добавим, что согласно статье 79¹, предложенной Президентом В.В. Путиным для включения в Конституцию, Российское государство принимает меры по «поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства»⁹. Данная конституционная новелла не только сблизила составные части системы национальной безопасности России, включив в текст Основного закона принципы международного права, но и существенно повысила правовой статус базы национальной безопасности.

Развитие национальной безопасности России в данном направлении стало возможным также благодаря тому, что, с одной стороны, положения части 4 статьи 15 Конституции создают правовую базу для взаимопроникновения и взаимодополнения норм международного и национального права, с другой, — активными действиями на международной арене (включая и членство в Совете Безопасности ООН, многочисленных универсальных, региональных и субрегиональных международных организациях) Россий-

⁹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

ская Федерация указанные правовые положения превращает в реальность и расширяет возможности национальной безопасности за счет подключения коллективных действий при сохранении государственного суверенитета.

В современных условиях подобный подход к национальной безопасности обретает особую актуальность. Поскольку любой конфликт внутри страны, как свидетельствует печальный мировой опыт последних десятилетий, может перекинуться на территорию другого государства, а локальный конфликт — перерасти в мировую войну. В частности, в статье 79 Конституции особо оговорено, что участие России в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий возможны не только при условии, что такая передача не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина, но и не противоречит основам конституционного строя, в том числе суверенитету России.

Логичный вывод из этого положения — указание в новой редакции статьи 79 на то, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹⁰. О своевременности и актуальности данной конституционной новеллы 2020 года свидетельствуют не только международные события, но и научные исследования последних лет [см., например: 22, с. 72–83; 23; 24]. Включение в Конституцию указанных изменений в статье 79 во многом вызвано тем, что одним из новых аспектов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который остро ощущается в последнее время, выступает тенденция повышения влияния внешних факторов на масштабы и разнообразие форм обеспечения национальной безопасности России и их учета в деятельности соответствующих органов государственной власти.

Российской Федерации и соответствующим органам государственной власти необходимо учитывать во внешнеполитической деятельности и обеспечении соответствующей безопасности тот факт, что в деятельности некоторых современных государств речь идет о создании ими гибридных угроз [25]. «В постиндустриальном мире это самая большая опасность. Она состоит в непредсказуемости той или иной акции, а также в масштабах вреда самой организации государства и общества. В условиях современного уровня развития средств массовой информации важен не сам факт совершения теракта или катастрофы, а информационный эффект, общественный резонанс, который создается подобными действиями»¹¹. Усилению и, одновременно, разнообразию и дифференциации гибридных угроз во многом способствует то обстоятельство, что в последние годы произошел поворот от традиционной доктрины континентального присутствия времен «хо-

¹⁰ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

¹¹ The Future Character of Conflict. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33685/FCOCReadactedFinalWeb.pdf.

лодной войны» к принципиально иной схеме применения вооруженных сил, например Великобритании. Как отмечают в некоторых иностранных источниках, происходит постепенный переход к формированию мобильных сил быстрого реагирования, ориентированных на действия, направленные против иррегулярных формирований за пределами территории Великобритании» [18]. Исходя из этого «военные резервы будут устроены таким образом, чтобы отставные военнослужащие и гражданские специалисты получили необходимые социальные лифты» [24, с. 183].

Последнее время наблюдается не только дифференциация, но и усиление военной составляющей международной безопасности. Например, точки зрения руководства Народно-освободительной армии Китая (НОАК), будущая структура безопасности должна выражать новую концепцию безопасности, основанную на учете трех принципов, а именно: общая безопасность, коллективная безопасность, региональная безопасность [26; 27, с. 79].

Важно также учитывать то обстоятельство, что на территории некоторых государств помимо официальных властей и проводимой ими внешней политики нарастают альтернативные экстремистские устремления некоторых влиятельных групп населения. Как отмечают С.А. Сидоров и М.Л. Титаренко, антироссийские прозападные силы в КНР пользуются тем, что с уходом из жизни людей старших поколений постепенно «выдыхается» традиционная дружба между гражданами России и Китая. Молодые поколения, ориентированные на Запад, не наследуют дружеских чувств к России» [27, с. 82; с. 23, 553–554]. Таким образом, в новых условиях международного правопорядка четко прослеживается *тенденция рассмотрения национальной и международной безопасности как двух взаимосвязанных и взаимодействующих систем*. А векторы развития национальной безопасности и ее составных частей находятся в постоянной динамике и базируются на конституционно-правовом оформлении.

* * *

Считается, что впервые термин «интересы национальной безопасности» прозвучал из уст президента США Теодора Рузвельта в 1944 году в обращении к Конгрессу в связи с Панамским кризисом [28, р. 352; 29]. Но национальная безопасность как политико-юридическая реальность гораздо старше, чем сам термин [25; 30, с. 104–113; 31, с. 24–33]. Она практически возникла одновременно с государством. О ее надежности в течение многих веков заботились многие и многие государственные деятели. Речь шла исключительно о безопасности государства как основного инструмента защиты граждан.

В своем Послании Федеральному собранию 21 апреля 2021 года Президент Российской Федерации сказал: «Смысл и содержание политики России на международной арене... обеспечить мир и безопасность для благополучия наших граждан, для стабильного развития страны» [32].

Как отмечают авторы учебника «Конституционное право Российской Федерации», законодательно термин «национальная безопасность» впервые в нашей стране был употреблен в Федеральном законе от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»¹², а его трактовка была дана в Послании Президента России Федеральному Собранию 1996 года: «*Национальная безопасность* — состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз...» [33, с. 423].

Подчеркивая универсализм содержания и способов реализации конкретных его направлений, авторы издания «Актуальные проблемы конституционного права России» отмечают, что «вопросы обеспечения национальной безопасности связаны с реализацией самых разных задач во всех сферах функционирования и развития общества и государства — политико-правовой, социальной, экономической, духовной — и включают в себя множество аспектов, так как подразумевают защиту национальных интересов России» [34, с. 423].

Кроме того, они отмечают, что «национальные интересы во внутриполитической сфере состоят в сохранении и поддержании стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении суверенитета и национальной целостности России, единства правового пространства, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических, религиозных конфликтов, терроризма»¹³ [34, с. 423].

Г.Ю. Семигин рассматривает безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера, предполагающее установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства» [35, с. 83–84].

Вместе с тем, с термином «национальная безопасность», как с термином «безопасность», имеется некоторая неопределенность, что порождает ряд вопросов:

– пункт «м» статьи 71 Конституции устанавливает, что в ведении Российской Федерации находятся оборона и *безопасность*; ... обеспечение *безопасности личности, общества и государства* при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Означают ли эти формулировки,

¹² Закон утратил силу в 2006 году. Действует: Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации // СЗ РФ 2006. I (ч. 1). Ст. 3448; с посл. изм. и доп.

¹³ Там же. С. 423.

что термин «безопасность» не включает в себя понятия общественной безопасности и экологической безопасности, поскольку подпункты «б» и «д» пункта 1 статьи 72 Конституции относят их к совместному ведению России и ее субъектов? Не может же безопасность быть полностью в ведении Российской Федерации, при этом часть ее находится одновременно в совместном ведении; что тогда включается в понятие «безопасность» в контексте пункта «м» статьи 71?

– если согласно тому же пункту «м» статьи 71 Конституции в ведении Российской Федерации находится обеспечение безопасности личности, общества и государства *при применении информационных технологий, обороте цифровых данных*, то вне сферы информационных технологий в чем ведении находится обеспечение безопасности личности, общества и государства?

– в пункте «м» статьи 71 Конституции в части предметов ведения Российской Федерации используется термин «безопасность общества», — как он коррелируется с термином «общественная безопасность», употребляемым в подпунктах «б» и «д» пункта 1 статьи 72 Конституции в части предметов совместного ведения?

Помимо Конституции в текущем законодательстве Российской Федерации понятие «общественная безопасность» также используется. В частности, в Федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 21.12.2021)¹⁴ в статье 1: полиция «предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, ...охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения *общественной безопасности*»).

– как соотносятся используемые в Конституции термины «безопасность», «безопасность государства» (п. «м» ст. 71), «государственная безопасность» «государственная безопасность» (пп. «д» п. 1 ст. 114) и общественная безопасность?

Один из вариантов ответа на часть поставленных нами вопросов состоит в том, что в настоящее время в связи с обновившимися обстоятельствами изменились взгляды к концепции и содержанию отношений в сфере обеспечения безопасности. Как уже отмечалось, с 1995 года вместо понятия «государственная безопасность» официально принята концепция национальной безопасности. Это не просто формальная замена терминов. Все гораздо глубже и масштабнее.

Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 года № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации», вводится уточненное определение понятия «национальная безопасность». Под национальной безопасностью в преамбуле документа понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя су-

¹⁴ СЗ РФ, 2011. № 7. Ст. 900.

веренитета и единственного источника власти в Российской Федерации»¹⁵. Помимо некоторой тавтологии в данном определении неясно и другое: неизвестно, следовало ли понимать этот термин как совокупность понятий общественной и государственной безопасности, либо только последней.

Тем не менее, одно принципиально важное новшество в данном определении несомненно имелось: в России, как в демократическом государстве, не только терминология принципиально поменялась, но и содержание и носитель безопасности изменились; как государство, Россия по-прежнему является носителем государственного суверенитета и ведущим актором обеспечения безопасности, но сместился акцент. Теперь она не государство само по себе, как это было во все предшествовавшие века, а государство — воплощение воли многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

В специальном законодательном акте — Федеральном законе «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. от 09.11.2020 № 365-ФЗ)¹⁶ не содержится четкого определения понятия «безопасность». Но статья 1 этого закона закрепляет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации; полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также конституционно-правовой статус Совета безопасности Российской Федерации.

* * *

В предыдущей Стратегии национальной безопасности (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683)¹⁷ в пункте 6 отмечалось, что «национальная безопасность *включает в себя* оборону страны и все *виды безопасности*, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего *государственную, общественную*, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Это в какой-то мере решало проблему, но почему-то в новую Стратегию национальной безопасности это определение не вошло, чем не только вернуло в правовое поле терминологическую неопределенность, но и внесло путаницу в другие виды стратегий, например, смешав экономическую и энергетическую безопасность в разных ипостасях.

¹⁵ СЗ РФ, 1997. № 52. Ст. 5909.

¹⁶ СЗ РФ, 2011. № 1. Ст. 2.

¹⁷ СЗ РФ, 2015. № 1 (часть II). Ст. 212.

Что касается определения понятия «национальная безопасность», то, как отмечалось, оно впервые появилось в преамбуле Концепции национальной безопасности (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300¹⁸), где под ним понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации». О неясности данного определения национальной безопасности в Законе «О безопасности» уже писалось выше, — если трактовать определение расширительно, то оно включало в себя безопасность государства, общественную безопасность, экологическую безопасность, безопасность личности, иных видов безопасности, предусмотренных российским законодательством.

На смену Концепции национальной безопасности 1997 года пришла Стратегия национальной безопасности 2009 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 года № 537¹⁹), пункт 6 которой провозгласил национальной безопасностью «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства».

В части 1 статьи 6 сменившей ее Стратегии национальной безопасности 2015 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683²⁰) национальная безопасность Российской Федерации была воспроизведена с незначительными дополнениями как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, *независимость, государственная и* территориальная целостность, устойчивое *социально-экономическое* развитие Российской Федерации», но с существенной ремаркой, что «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации. Прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Ныне действующая Стратегия национальной безопасности (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400²¹) в пункте 5 подпункта 1 под национальной безопасностью Российской Федерации понимает состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются

¹⁸ СЗ РФ, 1997. № 52. Ст. 5909.

¹⁹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685.

²⁰ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669.

²¹ СЗ РФ, 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Анализируя изменения в данном определении, отметим, что в новой редакции состояние защищенности не «личности, общества и государства», как в двух предыдущих, а «национальных интересов Российской Федерации», исчезла из определения «территориальная целостность», но появились «гражданский мир и согласие в стране».

Суммируя сказанное, приходится констатировать недопустимую терминологическую неопределенность в определении дефиниции «безопасность», что может привести к коллизиям в реализации субъектами Федерации своих полномочий по тем аспектам безопасности, которые входят в предметы совместного ведения с Российской Федерацией. Совершенно недопустима ситуация, когда специальный закон (Закон «О безопасности») не содержит четких соответствующих дефиниций, а документы стратегического значения — Стратегии национальной безопасности — в своих терминах не коррелируют с соответствующим законом. Необходимо в кратчайшие сроки привести в соответствие определения «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность / безопасность государства», «общественная безопасность / безопасность общества».

* * *

Нельзя сказать, что рассмотрением вопросов национальной безопасности не занимается Конституционный Суд Российской Федерации. По информации, размещенной на его официальном сайте по состоянию на 28.12.2021 год, Конституционный Суд вынес 112 постановлений и 206 определений по вопросам, которые так или иначе связаны с национальной безопасностью²².

Причем, по содержанию использованных в постановлениях Конституционного Суда терминов, связанных с безопасностью (независимо от того, принимались они в отношении регулирования внутригосударственных отношений или по вопросам, затрагивающим международную сферу), их можно разделить на две неодинаковые по объему группы: в подавляющем большинстве данных постановлений соответствующие термины используются формально (как правило, путем ссылок на соответствующие статьи Конституции или законодательства); в редчайших случаях (как например, в Постановлении Конституционного Суда от 1 ноября 2019 года № 33-П²³, а также в Постановлении от 18 июня 2019 года № 24-П) помимо употребления терминов «общественный порядок и безопасность граждан» предпринята попытка раскрытия их содержания и указания на цели их реализации: «пре-

²² <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2022).

²³ СЗ РФ, 2019. № 45. Ст. 6407.

дусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц, и не расходится с прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека, сформированной им относительно конвенционных стандартов свободы»²⁴; в Постановлении Конституционного Суда от 30 июня 2021 года № 31-П употребляется понятие «безопасность государства» как «обеспечение отношений, в том числе и с целью обеспечения интересов частных лиц, и на поддержание баланса интересов частных сторон, действующих в условиях установленного публичным регулированием контроля»²⁵; в Постановлении Конституционного Суда от 17 января 2019 года № 4-П установлено, что «понятие «безопасность государства», использованное в части 3 статьи 55 и пункта «д» части 1 статьи 114 Конституции, включает в себя, помимо военной безопасности (что преимущественно охватывается понятием «оборона страны»), экономическую, санитарно-эпидемиологическую, продовольственную и иные виды безопасности, в том числе информационную безопасность (Постановление Конституционного Суда от 9 июля 2012 года № 17-П)²⁶.

В подавляющем большинстве других постановлений Конституционного Суда формально приводится соответствующий термин (термины) с формальным использованием соответствующих понятий. Например, в Постановлении от 9 июля 2021 года № 34-П²⁷ употребляется понятие «безопасность государства» (применительно к ст. 1 и 2, ч. 3 ст. 55 Конституции); в Постановлении от 9 июля 2012 года № 17-П — «безопасности государства, национальной безопасности, государственной и общественной безопасности, прав и свобод граждан»²⁸; в Постановлении от 19 апреля 2016 года № 12-П — «обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественной безопасности»²⁹; в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П — «обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства»³⁰; в Постановлении от 17 февраля 2015 года № 2-П — «обеспечения обороны страны и безопасности государства»³¹.

Исходя из проведенного анализа положений Конституции, федерального законодательства, научных публикаций и постановлений Конституционного Суда, мы солидарны с авторами, которые полагают, что понятие «безопасность» как состояние защищенности неоднозначно. Оно «может совпадать с безопасностью, может быть или не быть ей равнозначной. Безо-

²⁴ СЗ РФ, 2019. № 25. Ст. 3316.

²⁵ СЗ РФ, 2021. № 28 (часть II). Ст. 5630.

²⁶ СЗ РФ, 2019. № 4. Ст. 359.

²⁷ СЗ РФ, 2021. № 29. Ст. 5752.

²⁸ СЗ РФ, 2012. № 49. Ст. 4169.

²⁹ СЗ РФ, 2016. № 17. Ст. 2480.

³⁰ СЗ РФ, 2015. № 30. Ст. 4658.

³¹ СЗ РФ, 2015. № 9. Ст. 1389.

пасность интегрирует как объективные показатели (наличие нормативных, процессуальных, организационных и т.д.) условий, так и субъективные, предполагающие, в частности, оценку самим человеком своего состояния как безопасного и содействующего в сохранении такого состояния» [36, с. 10]. И поэтому не в полной мере раскрывает содержание данного понятия. И, как следствие, не может полностью и адекватно обеспечить безопасность.

Кроме того, приходится констатировать, что терминологического единообразия в определении понятий безопасности нет не только в действующем законодательстве, но и в постановлениях Конституционного Суда. Сказанное касается и определений понятия «безопасность», содержащихся в научных трудах и энциклопедических словарях. Наиболее распространенным является понимание безопасности как «отсутствие опасности» [37, с. 71; 38, с. 67], а также «положение, при котором не угрожает опасность кому-л., чему-л.» [39, с. 42].

* * *

Если не вдаваться в подробности, то все эти определения имеют несколько существенных недостатков. *Самый главный из них*, как это видно из предыдущего абзаца, не дает ясного представления о понятии «безопасность». Что из того, что это — отсутствие опасности? А внутреннее содержание понятия «безопасность» каково?

Второй недостаток также касается большого количества рассмотренных нами определений безопасности, данных в законодательстве и в научных трудах как «состояния защищенности жизненно важных интересов...». Во всех таких определениях в той или иной степени доминирует обеспечение обороны, защиты суверенитета, разрешение других катастрофических и кризисных ситуаций. То есть, они в большей мере пригодны для достаточно краткосрочных кризисных или катастрофических ситуаций. А в мирных условиях, которые, в отличие от кризисных, могут длиться десятилетиями, что делать? Или в эти периоды обеспечение безопасности не требуется?

По данному вопросу мы склонны соглашаться с авторами, по мнению которых «понятие “безопасность”, понимаемое традиционно, то есть с точки зрения политических и военных угроз национальному суверенитету, должно быть расширено таким образом, чтобы оно включало растущее воздействие государства на все сферы жизнедеятельности социума, — политическую, правовую, социальную, экономическую, духовную... В условиях глобализации не существует чисто военных решений проблемы обеспечения безопасности и целостности государств» [40, с. 8].

Третий недостаток также касается самой многочисленной группы определений национальной безопасности и состоит в том, что они не только недостаточно приспособлены для жизни в условиях мирного времени, но и не вполне согласуются с принципами демократического правового

государства, закрепленными в Основном законе страны, особенно с учетом новой конституционной доктрины и конституционных новелл 2020 года.

Если взять, например, конституционные принципы, составляющие демократическую основу российской государственности, то все они — и принцип разделения властей (ст. 10), и принципы федерализма, государственной целостности, единства системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, равноправия и самоопределения народов (ст. 5), социального государства (ст. 7) и другие — нацелены на обеспечение консолидации и сотрудничества всех органов публичной власти для регулирования и решения общегосударственных вопросов на всех уровнях публичной власти.

Особенно это касается принципов, включенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 году: принципа признания исторически сложившегося государственного единства (ст. 67¹) и принципа единства публичной власти (ст. 132). Они нацелены на современное обеспечение консолидации и сотрудничества всех органов публичной власти с учетом и использованием многовекового опыта отечественной государственности, основанного на учете религиозного, исторического культурного опыта многонационального народа Российской Федерации.

Сказанное в полной мере касается конституционных принципов, лежащих в основе народовластия в Российской Федерации (ст. 3), правового статуса граждан (ст. 6, 13), институтов гражданского общества (ст. 8, 9, 13, 75, 75¹).

И если все институты публичной власти, граждане, институты гражданского общества на основе конституционных принципов должны действовать консолидированно, взаимодействуя друг с другом, то определение национальной безопасности только как «состояние защищенности» не вполне вписывается в указанные базовые нормы Конституции России.

Даже если не брать во внимание многочисленные другие причины, то хотя бы потому, что благодаря происшедшим тысячелетия назад разделений труда и вызванных ими специализаций, сложилась устоявшаяся и базирующаяся на конституционных принципах профессионализация деятельности в осуществлении государственной власти, политической, социально-экономической и других сферах общества, которые игнорировать невозможно. Тем более, что именно специализация (профессионализация) через разделение труда консолидирует государственные и общественные институты, индивидов.

Это означает, что при понимании национальной безопасности (безопасности) как «состояние защищенности» нация искусственно разделяется на защищаемых и защитников. Вследствие этого нет солидарности между людьми разных профессий. Кроме того, «защищаемые» могут вести себя пассивно, что приводит к «распылению», нерациональному и неэффективному использованию сил, ресурсов и т.д. Не говоря уже о том, что подспудно

могут возникать противоречия между «защищаемыми», которые чаще всего являются производителями материальных благ, и «защитниками», которые никаких материальных благ не производят.

* * *

Помимо рассмотренных выше встречаются и другие определения. Например, в «Социологической энциклопедии» понятие безопасность (англ. *security*; нем. *sicherheit*.) — состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может суверенно, без вмешательства и давления извне свободно избирать и осуществлять свою стратегию социального, экономического и политического развития³². В «Словаре-справочнике: политическая наука» термин безопасность означает состояние международных отношений, обеспечивающих стабильность мирового сообщества; основополагающие принципы безопасности международной — баланс сил и интересов³³. Следовательно, безопасность — условие повседневной жизни человека. Поэтому она всегда выражена в конкретных проявлениях, в том числе (возможно, в первую очередь) в создании условий, включая и действия самого человека, исключающие наступление негативных последствий. В связи с этим необходимы не только активные действия конкретного индивида, но и наличие соответствующих законодательства и организационно-функциональных структур, способствующих консолидации разных субъектов, участвующих в данной сфере.

В Российской Федерации, в частности после внесения изменений в Конституцию в 2020 году, создана конституционно-правовая база как для консолидации национальных интересов, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культурного развития граждан, так и для формирования конституционных принципов солидарности: человек — общество — государство.

Ключевым субъектом в этой связке является многогранный термин «нация», под которым нами понимаются граждане как социально-политическая общность, отличающаяся уникальным сознанием, традициями, культурой, представлением о нравственности и другими характеристиками ее самобытности. Соответственно, получающаяся в итоге модель имеет сложную структуру, включающую диалектически взаимосвязанные политические, социальные, духовно-культурные элементы общероссийской идентичности³⁴.

В одном из своих выступлений В.В. Путин отметил, что формирование современной национальной государственности происходит на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности

³² Социологическая энциклопедия // <https://voluntary.ru/termin/bezopasnost-nacionalnaja.html>.

³³ Словарь-справочник: Политическая наука // <https://znachenie-slova.ru/%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

³⁴ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями как необходимое условие сохранения единства страны [41].

О необходимости консолидации солидарности «человек — общество — государство» пишут многие авторы [42, с. 39–46; 43]. В частности, по мнению Г.Н. Комковой, консолидацию и взаимную ответственность власти и человека следует отнести к конституционным принципам, поскольку в демократическом обществе «человек не совершает поступков, которые могут навредить другим людям или государственным интересам, а государство обеспечивает достойную и безопасную жизнь своим гражданам» [44, с. 349].

Несмотря на обилие публикаций по этому вопросу, наиболее широкое и полное видение консолидации «государство — общество — человек» сформулировал Б.С. Эбзеев. Он утверждает, что «Российская Федерация выступает не правопреемником всех предшествовавших форм российской государственности (Российской империи, РСФСР и СССР), а является продолжателем тысячелетней отечественной государственности» [10, с. 11]. Это означает не только консолидацию людей разных эпох, поколений и профессий, но и культур, конфессий, традиций и т.п.

* * *

Таким образом, поскольку отношения безопасности это не только и даже не столько состояние защищенности, а гораздо более широкая и разнообразная система повседневных отношений, то и определение данного понятия должно быть соответственным. Кроме того, как видно из вышеизложенного, указанные отношения регулируются соответствующими источниками права, — как национального, так и международного. В связи с этим предлагается определение понятия национальной безопасности, отвечающее современному содержанию Конституции Российской Федерации, отечественному законодательству, а также основам демократии и актуальным требованиям повседневности национального государственно организованного бытия.

Национальная безопасность — установленное нормами права состояние социальных отношений, когда народ (государство), политические институты и общества, а также граждане могут самостоятельно, без вмешательства извне свободно выбирать и осуществлять свои насущные потребности, определять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития, а в период угроз или нападения защищать их всеми доступными средствами.

Для целей настоящего исследования понятия «безопасность» и «национальная безопасность» мы рассматриваем как синонимические. Поскольку Конституция была принята на референдуме до формирования концепции «национальная безопасность» и в целом ряде ее статей сохранились понятия «безопасность государства», «безопасность» (ст. 13, 55, 71 и др.), их адаптация

к современным условиям могла бы быть осуществлена Конституционным Судом Российской Федерации.

Список литературы

1. Балашова Т.Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. 2008. № 1.
2. Богомолов В.А., Эриашвили Н.Д., Барикаев Е.Н., Павлов Е.А. Экономическая безопасность. М., 2009.
3. Грибин Н.П., Диденко А.В. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации: монография. М., 2010.
4. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность» // Credo. 2000. № 6 (24).
5. Колесников Д.В. Конституционно-правовой аспект национальной безопасности в области безопасности дорожного движения в Российской Федерации. Зарубежный опыт // Юридический мир. 2013. № 1.
6. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию 13.06.1996. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. основополагающие государственные документы. Часть 1. М., 1998.
7. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2015.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский. М., 2012.
9. Рогов А., Федотова Ю. Государственная безопасность: элемент или содержание национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2013. № 12.
10. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4.
11. Володин В.В. Живая Конституция развития // Парламентская газета. 2019. 17 июля.
12. Осавелюк Е.А. Применение «sanctions for decision-maker» как попытка ограничения внешнеэкономической деятельности государства и его органов // Юридический мир. 2020. № 7.
13. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Система коллективной безопасности как основа национальной безопасности России // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1.
14. Осавелюк Е.А. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти: монография / отв. ред. Б.С. Эбзеев. Москва: Проспект, 2020.
15. Осавелюк Е.А. Проблема регулирования и реализации полномочий Президента, парламента и Правительства в области национальной безопасности России: монография: отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
16. Назаров В.П. К вопросу об эволюции Концепции национальной безопасности России // Вопросы политологии. 2020. Вып. 1(53). Т. 10.

17. Арсентьева И.И. Стратегия обеспечения национальных интересов КНР в контексте международной безопасности и национальной безопасности РФ // Вестник РУДН, серия Политология. 2009. № 1.
18. Reserves in the Future Force 2020: Valuable and Valued. Presented to Parliament by the Secretary of State for Defense by Command of Her Majesty. July 2013.
19. Умнова (Конюхова) И.А. Тенденции конституционного развития и конституционного правоприменения в условиях глобализации угроз и вызовов человечеству // Государство и право. 2018. № 2.
20. Андреева Г.Н. Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006.
21. Осавелюк Е.А. Понятие и основные этапы развития внешнеполитических полномочий главы государства // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4 (18).
22. Арсентьева И.И. Стратегия обеспечения национальных интересов КНР в контексте международной безопасности и национальной безопасности РФ. <https://cyberleninka.ru>.
23. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
24. Шкробтак И.О. Характеристика основных вызовов британской обороне и безопасности // Власть. 2017. № 2.
25. Осавелюк Е.А. Информационная безопасность государства и общества в контексте деятельности СМИ. СПб.: Лань, 2018.
26. Гончаров С.Н., Виноградов Л.О. К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4.
27. Сидоров С.А. Концепция национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России // Национальная безопасность. 2012. № 1(18).
28. Kissinger H.A. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century: Simon & Shuster. 2002.
29. Кастелье М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. М.: Логос, 2002. 219 с.
30. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Эволюция внешнеполитических полномочий современных парламентов // Европейское измерение 2013: сб. научных трудов под общ. ред. С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. М., 2013.
31. Осавелюк А.М. Монарх — глава государства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6 (46).
32. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ 21 апреля 2021 года // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666.
33. Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / Под науч. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева; под общ. ред. Е.Н. Хазова, Н.М. Чепурновой, А.С. Прудникова. 11-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020.
34. Актуальные проблемы конституционного права России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (квалификация «магистр») / под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

35. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / рук. научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003.
36. Безопасность детства. Социальные проблемы и правовые способы их решения. Монография / под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2021.
37. Толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1 / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 2001.
38. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1.
39. Ожегов С.Я. Словарь русского языка: под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова 25-е изд., испр. и доп. М., 2007.
40. Эбзеев Б.С., Айбазов Р.У., Краснорядцев С.Л. Глобализация и государственное устройство России. М.: Формула права, 2006.
41. Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 10.03.2021).
42. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Система коллективной безопасности как основа национальной безопасности России // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1.
43. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014.
44. Комкова Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // Lex russica (Русский закон). 2009. Т. 68. № 2.